

«Судьба Шарля Лонсевиля»

[Константин Паустовский. «Судьба Шарля Лонсевиля». Рисунки и переплет Т. А. Мавриной. ГИЗ «Молодая гвардия», 1933, стр. 116, цена 1. р. 25 к., 1 р.]

Н. Прянишников

История и география недаром искони считаются родственными дисциплинами, и недаром в школьной практике преподавание этих предметов в порядке естественного совместительства («личная уния») поручалось обычно одному и тому же педагогу. Автор «Карабугаза», имевший вполне заслуженный успех у молодежной аудитории, как увлекательный «преподаватель» социалистической «географии», в настоящей книжке с не меньшей, как нам кажется, удачей выступает в роли «историка».

«Судьба Шарля Лонсевиля» – это не только история пленного офицера наполеоновской армии, направленного русскими властями в качестве специалиста по литью пушек на Александровский завод в Петрозаводске, но и история самого этого завода, имевшего к тому времени уже столетнюю давность, и история крупного восстания (1769-70 гг.) приписных к этому заводу крестьян, поданная ретроспективно, как волнующий объект для историко-революционной пытливости пленного якобинца, отрезвившегося в условиях тогдашней российской действительности от временного увлечения бонапартизмом, – и, наконец, это история созревающего декабризма, с провинциальными адептами которого Шарль Лонсевиль сталкивается на этом же заводе.

Обилен и всякого рода привходящий материал, привлекаемый автором попутно: тут и Петр I, основатель завода, и Екатерина II, усмирительница возмущения, и бывший «брат» Наполеона – Александр I, и великолепная портретная галерея колоритных леди Кингстон, и польский магнат Радзивилл, и знаменитый архитектор из строгановских крепостных – Воронихин, и «его превосходительство господин Державин» (олонецкий губернатор «гимны писал, но человек был тихий», как аттестует его главный информатор Лонсевиля – литейщик Мартынов), и тяжкий быт заводских крестьян, и оголтелая военщина

аракчеевской школы, а там, в западной дали – тень развенчанного Бонапарта, пожарище Великой французской революции, возвращение аристократов...

Нужно воздать должное композиционному искусству автора, сумевшего, во-первых, без заметных «белых ниток» увязать многосюжетность в одно органическое целое, а во-вторых, уместившего всю эту уйму материала на пространстве небольшой книжечки.

Использование фигуры случайно попавшего в Россию иностранца, как наблюдающего субъекта, нельзя не признать весьма целесообразным приемом при подаче исторического материала молодому советскому читателю, чьей остроте исторического зрения как нельзя более, отвечает непосредственная свежесть восприятия *постороннего* для тогдашней России человека, к тому же революционно настроенного. (В повесть очень умело вмонтированы записи из дневника Лонсевиля и его переписка с женой, находящейся в Париже.)

Когда автор, подвизающийся в жанре исторической беллетристики, берет на себя задачу вместить максимум содержания в минимум страниц, то ему обычно угрожает опасность в ущерб живописной яркости впасть в некоторую суховатость изложения. К. Паустовский счастливо избежал этой опасности: ему удалось сочетать свой повествовательный лаконизм с колоритной сочностью фигур, сцен и событий, так, что его лаконизм – до конца *художественный* лаконизм, и если «Судьба Шарля Лонсевиля» прочитывается в один присест, то это не столько потому, что книжка – *маленькая*, сколько потому, что это – *увлекательная* книжка.

Она на *всем своем протяжении* наполняет читателя чувством – возмущения, что так было, и чувством радостного облегчения, что *этого больше нет и никогда больше не будет*. Впрочем, у повести есть и эффектная концовка, прямо проецирующая ее грустное содержание на победный экран современности. Когда, в эпилоге повести, вдова Лонсевиля приезжает в Россию, чтобы разыскать и украсить могилу своего мужа, она попадает там в общество декабристски настроенных молодых людей, один из которых, «понижив голос и волнуясь, продекламировал ей известные пушкинские стихи: «Товарищ, верь, взойдет

она заря пленительного счастья...» Этим мажорным пророчеством, осуществившимся в наши дни, и заканчивается печальная повесть о «Судьбе Шарля Лонсевиля». С точки зрения чисто внешней занимательности – особый интерес повести заключается в том, что читатель, закрывая книжку, знает о судьбе Шарля Лонсевиля больше, чем он знал сам, когда умирал. Арестованный за пропаганду, он получает от жандармского генерала мнимое разрешение на выезд из России и, в предвкушении близкого возвращения на родину, едет из Петербурга на завод за вещами, но дорогой заболевает горячкой и умирает на почтовой станции. А между тем в действительности ему было уготовано пожизненное заключение в Шлиссельбурге. Трагизм эпилога как раз и заключается в том, что Лонсевиль не хочет умирать на пороге освобождения, между тем как он должен был бы радоваться смерти, если бы знал истинный финал своей оборвавшейся судьбы.

К недостаткам книги нужно отнести крайнюю скудость примечаний, занимающих всего полстранички в конце книги. Плохо, когда исторический и реальный комментарий слишком обилен и пухл. Это всегда свидетельствует о неумелом монтаже исторической хроники, когда автор, идя по линии наименьшего сопротивления, сплавляет в подвал примечаний все, что не умеет включить в ткань своего повествования. Но плоха и обратная крайность. Надо бы было объяснить юному читателю, что такое *шандал*, *дилижанс*, *фискал* и т. п. Не лишне было бы сообщить ему, и кто такой был Орлов, мелькающий в свите Екатерины. Авторы, излившие скупые на примечания, переоценивают историческую осведомленность наших молодых читателей. Они предполагают известным для этой аудитории то, что она как раз от них и должна получить. Французская эпитафия, отлитая на памятнике Лонсевиля его женой, осталась непереуверенной.

При внимательном чтении обнаруживается недостаточная щепетильность автора по части хронологии. Заинтересовавшее Лонсевиля крестьянское восстание происходило в 1769-70 гг. Лонсевиль занялся разыскиванием об этом восстании «через пятьдесят лет» (52 стр.), а вскоре он умер. Следовательно,

он умер не раньше 1819 – 1820 гг., что как раз и совпадает с назреванием декабризма, в атмосфере которого обрывается его жизнь. А между тем жена его, прибывшая в Россию «в двадцатых годах прошлого столетия, лет через десять после смерти Лонсевиля» (94 стр.), то есть, следовательно, не раньше 1829 – 1830 гг. («двадцатые годы» выходят, таким образом, натяжкой), попадает в Петербурге все в ту же атмосферу *не разрядившегося еще декабризма*, что уж явно несообразно. («Жажда освобождения, – информирует ее о политическом моменте в России некто Ларин, – терзает лучшие умы... Россия охвачена *предрассветным* холодом и тревогой». – Стр. 110.) Перед отъездом из России мадам Лонсевиль наблюдала «забавное зрелище – богослужение под дождем, панихиду по умершей тридцать лет назад императрице Екатерине» (стр. 113). Екатерина II умерла в 1796г., следовательно, «забавное зрелище» происходило в 1826 г. Это уже ближе к декабрьскому бунту, но все же не до него, а *после*.

Есть в книге некоторые несообразности и помимо хронологических. Так, когда на той же панихиде по Екатерине запели «вечную память», то будто бы «генералы, солдаты, рабочие, чиновники и женщины в кринолинах опустились на колени в желтую от навоза грязь» (113 стр.). Хоть и суровые то были времена, но все же вряд ли была возможна всесловной монархии Николая I такая «уравниловка», чтобы и генералы с дамами в кринолинах принуждаемы были становиться на колени в грязь. По свидетельству мемуаристов, такие анекдоты возможны были разве при сумасшедшем Павле.

Но все эти мелкие погрешности хорошей книги легко устранить в повторном ее издании.

Оренбург.